

## Политический образ Сунь Ятсена в переписке И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с Л.М. Караханом (1923 — март 1925 гг.)

© 2010

А. Картунова

В статье, базирующейся на документах, автор приходит к выводу, что в 1923 г. — марте 1925 г., когда устанавливались, затем развивались отношения Советского Союза с Сунь Ятсеном, никто в советском руководстве не был знаком с личностью Сунь Ятсена как революционера, теоретика и практика китайской революции. В руководящих кругах РКП(б) и Коминтерна существовало недоверие к Сунь Ятсену как к обычному милитаристу. В результате предоставление ему обещанной в марте 1923 г. финансовой помощи было задержано на год. В статье показано, что принятие в 1924 г. Решения Политбюро ЦК РКП(б) и его реализация о поставках Сунь Ятсену оружия (бесплатно), финансовой и другой помощи, установление широкого сотрудничества с ним было процессом не простым.

*Ключевые слова:* Сунь Ятсен, революционная база, Гоминьдан, недоверие, масштаб личности, сближение, Политбюро ЦК РКП(б), сотрудничество, помощь.

Многогранная деятельность Сунь Ятсена — революционера, теоретика и практика китайской революции, ученого и политика — это целая эпоха в истории борьбы китайского народа за свержение династии Цин, национальное и социальное освобождение и возрождение китайской нации, объединение Китая. Жизнь и политическая активность Сунь Ятсена нашли довольно широкое освещение как в российской, так и в иностранной историографии.

Настоящая статья посвящена менее изученному вопросу — о том, каким образом у руководителей Советской России и Коминтерна складывались представления о Сунь Ятсене как о политическом деятеле. Уникальный материал, предоставляющий возможность в том числе и для исследования данной проблемы, содержит регулярная переписка, которая велась между наркомом по иностранным делам СССР Г.В. Чичериным, лично занимавшемся в своем наркомате "китайским вопросом", а также И.В. Сталиным, с одной стороны, и советским полпредом в Китае Л.М. Караханом, с другой<sup>1</sup>. Особую ценность данному историческому источнику придает то обстоятельство, что И.В. Сталин и Г.В. Чичерин находились не только в доверительных, но и в дружеских отношениях с Л.М. Караханом. Это позволяло им откровенно изъясняться по всем интересующим советское руководство вопросам китайской политики,

включая ее персоналии. В переписке названных респондентов содержатся неизвестные прежде историкам детали представлений московского руководства о Сунь Ятсене как революционере и политике. На основании того же источника можно уяснить и особенности процесса выработки политики Москвы в отношении Сунь Ятсена и возглавлявшейся им партии Гоминьдан.

В данной статье из проблем, обсуждавшихся советскими руководителями с Л.М. Караханом, выделены в первую очередь следующие: планы Москвы возвести Сунь Ятсена на “пекинский престол” (выражение Л.М. Карахана<sup>2</sup>), т.е. привести его к власти в общенациональном масштабе; причины длительной задержки советской стороной отправления Суню обещанных оружия и финансовых средств; представления, складывавшиеся у советского руководства о положении Сунь Ятсена и Гоминьдана на основе получаемой из Китая информации от представителей различных советских служб и Коминтерна; о политической работе Сунь Ятсена и Гоминьдана; развернутый ответ Л.М. Карахана на вопрос И.В. Сталина о масштабе личности Сунь Ятсена как политического деятеля; планы Карахана по “отсечению правых” в Гоминьдане и позиция Суня по данному вопросу. Хронологические рамки статьи охватывают период от начала 1923 г., когда сотрудничество Москвы с Сунь Ятсеном вступило в стадию заключения практических соглашений и их реализации, и до кончины лидера Гоминьдана, последовавшей 12 марта 1925 г.

Если говорить об оценке Сунь Ятсена как революционера и политика со стороны руководящих деятелей РКП (б) и советского государства, то она связана прежде всего с именем В.И. Ленина. Как известно, вожди русской и китайской революций были современниками, но лично не встречались<sup>3</sup>. Вместе с тем Ленин был первым, кто выступил с научным анализом общественно-политических взглядов и революционной деятельности вождя китайской революции. Ленин в течение многих лет проявлял глубокий интерес к освободительному движению в Китае. Об этом свидетельствует целый цикл его публикаций, который открывается статьей “Китайская война”<sup>4</sup> (декабрь 1900 г.). Революционные выступления китайского народа против маньчжурского самодержавия, деятельность революционных демократов, руководимых Сунь Ятсеном, встретили горячее сочувствие у большевистской партии России. В печати РСДРП (б) накануне и во время революции 1911 г. систематически публиковались сообщения о революционном движении в Китае.<sup>5</sup>

В 1912 г. В.И. Ленин, ознакомившись с программной статьей Сунь Ятсена “Социальное значение китайской революции”, немедленно откликнулся на нее своей публикацией — “Демократия и народничество в Китае”.<sup>6</sup> В ней дана высокая оценка значения политической платформы Сунь Ятсена для судеб китайской революции. Из опубликованных затем ленинских статей “Обновленный Китай”, “Крупный успех Китайской республики”, “Отсталая Европа и передовая Азия”, “Борьба партий в Китае”<sup>7</sup> следует, что Ленин высоко ценил самоотверженность, благородство и героизм Сунь Ятсена. В то же время он видел и недостатки революционной демократии Китая — утопизм, мечтательность, нерешительность, отсутствие у нее опоры на массы.

Своими статьями, посвященными революционной деятельности Сунь Ятсена и руководимой им китайской демократии, Ленин оказал поддержку освободительным движениям в Китае, способствовал их популяризации. Осуществленный им анализ особенностей революционного движения в Китае, его значения для мирового революционного процесса стал значительным вкладом в разработку Коминтерном стратегии и тактики в национально-колониальном вопросе на II (1920 г.) и IV (1922 г.) конгрессах этой организации. Нам неизвестно, чтобы какой-

либо другой руководитель РКП (б), помимо Ленина, проявлял в те годы специальный интерес к личности Сунь Ятсена и его учению.

Однако в 1923 г. Ленин был уже тяжело болен и не мог принимать участие в установлении отношений Советского Союза с Сунь Ятсеном и в разработке политики по отношению к нему.

К началу 1920 г. политика советского руководства и Коминтерна в Китае вступила в фазу практической работы. Одной из главных задач на том этапе был поиск в этой стране военных и политических деятелей, на которых могла бы опереться Москва. При этом преследовались две основные цели: добиться дружественного или хотя бы нейтрального отношения пекинского правительства к Советской России (а если оно не пойдет на это, то найти способ заменить его другим); оказать помощь китайскому народу в развитии национально-революционного движения в целях объединения Китая, национального и социального освобождения китайского народа от гнета иностранных держав.

Из опубликованных документов можно сделать вывод, что советское руководство стало активно интересоваться Сунь Ятсеном и партией Гоминьдан с лета 1922 г. В то же время Москва расширяла круг своих интересов в Китае, включая в сферу своей политики в этой стране и некоторых северных милитаристов. В результате долгих поисков к осени 1922 — началу 1923 г. Москва пришла к решению опираться в своей политике в национально-революционном движении в Китае на Сунь Ятсена и его партию, которые базировались главным образом на Юге Китая, прежде всего на пров. Гуандун. Об этом свидетельствуют такие документы, как “Инструкция Исполкома Коминтерна представителю Коммунистического Интернационала в Южном Китае” от августа 1922 г.<sup>8</sup>, подготовленная на основе доклада представителя Коминтерна в Китае Г. Маринга, “Резолюция Исполкома Коминтерна по вопросу об отношении Компартии Китая к партии Гоминьдан от 12 января 1923 г.”<sup>9</sup>, Директива Исполкома Коминтерна III съезду Коммунистической партии Китая от 21 мая 1923 г.<sup>10</sup> Однако в то время среди кадров РКП (б) и Коминтерна, как тех, что включились в осуществление советской политики в Китае, так и уже работавших там, не было людей, знакомых с учением Сунь Ятсена и его революционной деятельностью.

Политический образ Сунь Ятсена формировался в сознании руководителей Советской России и Коминтерна на основании противоречивой информации, получаемой из разных источников. Тем не менее, в русле логики указанных выше документов, Политбюро ЦК РКП 8 марта 1923 г. приняло постановление “признать возможным оказать денежную поддержку Сунь Ятсену в размере около двух миллионов мексиканских долларов”<sup>11</sup>. Однако надо отметить, что не все деятели РКП (б) и Коминтерна, так или иначе занятые в Москве вопросами политики в отношении Китая и, в частности, в отношении Сунь Ятсена, были согласны с этим постановлением. Так, с запозданием узнавший о нем заведующий Восточным отделом ИККИ Г.И. Сафаров 4 апреля того года обратился с письмом в Политбюро ЦК РКП с просьбой “пересмотреть свое решение”<sup>12</sup>, поскольку сам ставил Сунь Ятсена на одну доску с милитаристами Чжан Цзолинем и Дуань Цижуюем.

31 июля 1923 г. по предложению И.В. Сталина Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление назначить М.М. Бородину политическим советником при Сунь Ятсене и поручить ему в своей работе с Сунем “руководствоваться интересами национально-освободительного движения в Китае, отнюдь не увлекаясь целями насаждения коммунизма в Китае”<sup>13</sup>. Последнее указание, видимо, было записано с учетом заявления лидера Гоминьдана, изложенного в Коммюнике А.А.

Иоффе и Сунь Ятсена от 27 января 1923 г. по поводу советско-китайских отношений. Там было зафиксировано мнение Суня о том, что “в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае...”<sup>14</sup>. Указанные два постановления Политбюро ЦК РКП (б) явились первоначальной базой для оказания реальной помощи Сунь Ятсену.

Л.М. Карахан, хорошо знакомый с проблемами Востока по работе в НКВД СССР, в августе 1923 г. отправился в Китай с ответственной официальной миссией: он должен был вести переговоры с правительством Китайской Республики об установлении дипломатических отношений между двумя странами. Однако его деятельность в Китае выходила далеко за рамки чисто дипломатической работы и нередко была несовместима с ней, а именно работы коминтерновской.

В своем первом письме из Мукдена от 27 августа 1923 г.<sup>15</sup>, адресованном Г.В. Чичерину, Л.М. Карахан подчеркивал, что “здесь на месте” он еще больше убедился “в правильности нашей оценки положения в Китае” и решений, которые были приняты в Москве в отношении Чжан Цзолиня (в то время правителя Маньчжурии) и Сунь Ятсена.<sup>16</sup> С одной стороны, в письме откровенно изложены намеченные Москвой в общих чертах “конечная цель и ближайшие задачи”, которые должна была решать советская дипломатическая миссия в Китае во главе с Л.М. Караханом. А с другой, там были высказаны соображения полпреда, сформулированные им после трех встреч и бесед с Чжан Цзолинем, с которым Карахан встречался в Мукдене, сделав там специальную остановку по пути в Пекин: о тактике решения ближайших задач, прежде всего касавшихся судеб КВЖД<sup>17</sup>. Еще до отъезда Л.М.Карахана московское руководство согласилось на переговоры с Чжан Цзолинем и на “дружбу” с ним, в то же время наметив широкий план содействия Сунь Ятсену. В письме Карахан называл пекинское правительство “совершенной игрушкой” в руках, с одной стороны, дипломатического корпуса, с другой — Цао Куна и У Пэйфу, а также “крестьянского генерала” Фэн Юйсяна. Карахан убедился в правоте оценки пекинского правительства, принятой еще в Москве, как не представляющего собой политическую силу, с которой руководители СССР и Коминтерна “могли бы твердо договориться и, опираясь на которую, мы могли бы развить нашу работу в Китае”<sup>18</sup>. Особое внимание уделено Сунь Ятсену: “В Китае у нас есть конечная цель и ближайшие задачи. Конечная цель — это создание объединенного национального всекитайского правительства в Пекине, возглавляемое Сунем с руководящим влиянием тех групп, которые мы объединяем под словом “Гоминьдан””<sup>19</sup>. Однако, как представлял себе Карахан, находясь в Маньчжурии, даже при той финансовой и политической поддержке, которую Советский Союз был готов оказать Сунь Ятсену, он никогда не сможет самостоятельно “сесть на пекинский престол”, и “ему необходимо комбинировать с какой-нибудь другой реальной силой и для того, чтобы не иметь ее против себя и для того, чтобы, пользуясь военной поддержкой этой силы, успешно справиться с Пекином и стоящими за ним генералами...”<sup>20</sup>. Карахан в то время рассматривал в качестве такой силы Чжан Цзолиня, который по некоторым имевшимся у Карахана сведениям якобы “уже сейчас комбинирует с Сунем и в известной степени объединяет свои военные намерения с кантонским правительством”<sup>21</sup>. Однако, как позже стало ясно, ни Чжан Цзолинь, ни Сунь Ятсен не стремились к объединению их усилий. В то же время Карахан отмечал, что Сунь Ятсен предвидел возможность такой ситуации, когда Чжан, придя к власти в Пекине, не захочет разделить ее с Сунем; в этом случае последний рассчитывал на нажим на Чжан

Цзолия со стороны СССР, что позволило бы разрешить спор между ними в пользу лидера Гомиьндана<sup>22</sup>.

В письмах от 3 и 21 октября 1923 г.<sup>23</sup> Г.В. Чичерин сообщал Л.М. Карахану о пребывании в Москве военно-политической делегации во главе с Чан Кайши,<sup>24</sup> направленной Сунь Ятсеном. Делегация должна была изучить опыт государственного и военного строительства Советской России, ознакомить советское руководство с военными планами Суня и добиться их поддержки, а также помощи в подготовке командных кадров для Гомиьндана. Нарком просил Карахана дополнительно сообщить “о нынешнем положении Сунь Ятсена, его отношении к Гомиьндану и к другим партиям”<sup>25</sup>. Видимо, в Москве сочли привезенную делегацией информацию недостаточной, а может быть, и не полностью достоверной.

С ноября 1923 г., почти в течение четырех месяцев, Карахан в своих письмах Чичерину неоднократно и убедительно настаивал на необходимости уделять Сунь Ятсену больше внимания, особенно в части выполнения решения Политбюро ЦК РКП (б) о Сунь Ятсене и Гомиьндане, принятого в марте 1923 г.<sup>26</sup> Поскольку лидер Гомиьндана не получил ничего из обещанного ему, сообщал Карахан, у него “появился совершенно естественный скептицизм к тем обещаниям, которые ему даны в начале 1923 года. Назначение т. Бородина<sup>27</sup> в Кантон означало, что мы наконец реально приступим к осуществлению нашего плана”<sup>28</sup>. В задачи на близкую перспективу входило стимулирование Сунь Ятсена к проведению политической массовой работы, а также реформирование Гомиьндана и его вооруженных сил.

Из письма Л.М. Карахана Г.В. Чичерину от 3 ноября 1923 г. в Москве стало известно о сильно ухудшившимся на тот момент положении Сунь Ятсена в связи с тем, что большая часть флота изменила ему и перешла на сторону противника — гуандунского генерала Чэнь Цзюньмина. По оценке Карахана, “это очень серьезный удар” и “положение его (Сунь Ятсена. — А.К.) в настоящий момент довольно критическое”<sup>29</sup>. В то же время полпред рекомендовал “этим колебаниям в военном положении” Сунь Ятсена не придавать серьезного значения, “так как мы никогда не считали, что центр тяжести его деятельности заключается в военных действиях”<sup>30</sup>. Следует признать, что военная работа была не самой сильной стороной деятельности Суня. Полпред отмечал, что война, которую вел Сунь Ятсен, очень сильно вредила ему как политическому деятелю. В глазах радикального национального общественного мнения он с каждым днем терял, в особенности потому, что не вел никакой политической работы и сосредотачиваясь исключительно на войне. Карахан оценивал складывающийся в связи с этим “антураж” Сунь Ятсена как чрезвычайно сомнительный в политическом отношении. Главная задача его государственного аппарата, по оценке Карахана, заключалась в добывании денег, причем без стеснения в средствах. “...Внешне власть Сунь Ятсена ничем не отличается от власти любого милитариста... Единственно, что его отличает, это та **национальная программа** (выделено мною. — А.К.), которую он будет осуществлять, когда подчинит своему контролю весь Китай... Вопрос о скором начале организационно-политической работы есть вопрос сохранения авторитета Сунь Ятсена, партии Гомиьндан и сохранения от дальнейшего разложения, вырождения и дискредитации гомиьндановского центра”<sup>31</sup> — завершал письмо Карахан.

Вскоре Сунь Ятсен восстановил свои силы, что дало Карахану основания оптимистически оценивать политическое будущее лидера Гомиьндана. И если даже придется оставить Кантон, — писал Карахан Чичерину 26 ноября 1923 г., — “это не будет означать его поражения, ибо армию он сохранил и вместе с ней отступит на Север, чтобы продолжать борьбу”<sup>32</sup>.

В письме от 10 декабря 1923 г. Карахан докладывал Чичерину, что после проведенной Бородиным и организованной ЦИК Гоминьдана политической работы, Сунь Ятсен и ЦИК Гоминьдана убедились, что политическая работа и участие в ней партии имеют первостепенное значение для нее<sup>33</sup>. В том же письме он настаивал на необходимости “пресекать всяческие его (Сунь Ятсена. — А.К.) фантастические военные экспедиции на Север и не давать ему возможности пока расширять район своего господства, но Гуандунскую область (пров. Гуандун. — А.К.) мы должны прочно и решительно помочь укрепить за собой...”<sup>34</sup>.

В письмах от 10, 17 и 19 декабря 1923 г. Карахан в очередной раз напоминал Чичерину (т.е. Москве) о необходимости оказать помощь Сунь Ятсену оружием и открыть необходимые кредиты для работы с ним. “...Иначе мы провалим все дело, так хорошо начатое... Полезные советы очень хорошая вещь, но если мы ограничиваемся только советами, это, конечно, не может создать необходимой связи с нами и не может заставить Сунь Ятсена и в дальнейшем следовать нашим советам”<sup>35</sup> — так оценивал положение Карахан.

В письмах Чичерина от 1 и 2 января 1924 г. Карахан, наконец, получил ответ на свой вопрос о причинах задержки поставок Москвой оружия Сунь Ятсену. Первая причина состояла в том, что в Москве “создалось такое сильное настроение против военной политики Сунь Ятсена, что нужно нашим деятелям несколько вникнуть в положение, чтобы в данном вопросе отказаться от отрицательного отношения”<sup>36</sup>. Была и другая причина. “Многие у нас (в Москве. — А.К.) думают, — писал Чичерин, — что Сунь Ятсен уже не является типичным представителем Гоминьдана. Он слишком связан с правым крылом, от которого резко выделяется сильное левое крыло. Отказ его издать аграрный декрет весьма типичен и вряд ли может внушить оптимистическое представление о его дальнейшей деятельности”<sup>37</sup>. Не исключено, что такие тенденции в настроениях определенных кругов в руководстве в Москве явились следствием писем М.М. Бородина, с самого начала работы в Кантоне считавшего необходимым прежде всего провести аграрную реформу.

То обстоятельство, что требование декрета об аграрных преобразованиях исходило не из Москвы, отмечал Л.М. Карахан: “Мы в Москве никогда не выдвигали этого вопроса об аграрной реформе в такой радикальной форме, как это намечено в Кантоне (т.е. Бородиным; выделено мной. — А.К.) и не делали критерием своего отношения к Сунь Ятсену его политику по земельному вопросу или другим внутриэкономическим вопросам”<sup>38</sup>.

Сунь Ятсен, хорошо знавший всю сложность земельных отношений в Китае, оттягивал публикацию такого декрета. Средством осуществления принципа “уравнивания прав на землю” в Манифесте, принятом I съездом Гоминьдана (январь 1924 г.), провозглашался ряд мероприятий реформистского характера, причем центр тяжести приходился на область налоговой политики<sup>39</sup>.

В ЦК РКП (б) дискутировался также вопрос: давать ли Суню оружие, а если давать, то на каких условиях?<sup>40</sup> К началу января 1924 г. соответствующее решение не было принято.

Не дождавшись помощи Сунь Ятсену со стороны Советского Союза оружием и финансами, Карахан 8 января 1924 г. направил письмо Сталину, копии — Троцкому, Зиновьеву и Чичерину (док. № 33). Карахан напоминал о решении Политбюро ЦК РКП (б) от 23 марта 1923 г. предоставить Сунь Ятсену финансовую помощь, а также дать 8000 японских винтовок, 15 пулеметов, четыре пушки “Орисака” и две бронемашины. Полпред убеждал генсека в том, что “Сунь Ятсен принял все наши указания и советы” и “практически осуществляет все то, что

мы ему говорим”<sup>41</sup>. Кроме того, Сунь Ятсен, “отказавшись от всех широких военных планов, принял наше предложение об организации военной школы...”<sup>42</sup>. Карахан предупреждал, что в случае отказа в помощи Сунь Ятсену оружием он предвидит “серьезные затруднения для дальнейшего нашего воздействия на Гомиьндан и серьезные затруднения в работе т. Бородина, если не полную невозможность дальнейшего его пребывания в Кантоне”<sup>43</sup>. В заключение Карахан просил поставить этот вопрос в ЦК РКП (б) и принять окончательное решение<sup>44</sup>.

Забегая вперед, скажем, что, видимо, это письмо оказало определенное воздействие на советское руководство наряду с другими обстоятельствами. 20 марта 1924 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление “отпустить 500000 рублей, 1000 винтовок и известное количество орудий...”<sup>45</sup>. Однако 27 марта вопрос о выдаче Сунь Ятсену оружия был пересмотрен и Политбюро решило выдать оружие в объеме, указанном в цитированном выше письме Карахана Сталину<sup>46</sup>. О таком объеме помощи Сунь Ятсену телеграммой сообщал А.А. Иоффе еще 1 мая 1923 г. Из письма Г.В. Чичерина от 26 марта 1924 г. полпред узнал, что в Москве решено послать Сунь Ятсену оружие бесплатно<sup>47</sup>.

В обстоятельном письме Карахана Чичерину от 9 февраля 1924 г. одна значительная часть была уделена итогам I съезда Гомиьндана. Поскольку этот документ уже был ранее опубликован<sup>48</sup>, остановлюсь кратко лишь на той части письма, что посвящена политическому соглашению с Сунь Ятсеном, которое Чичерин поручил заключить Карахану — “иначе он надует”<sup>49</sup>, полагал нарком. Это выражение свидетельствует о том, что в Москве еще существовало недоверие к Сунь Ятсену. Там была свежа память о не вполне удачном опыте оказания военной и финансовой помощи национальным силам в Турции, которые возглавлял Кемаль Ататюрк<sup>50</sup>: Москва понесла огромные расходы, но не получила тех политических выгод, на которые могла рассчитывать<sup>51</sup>. Карахан не возражал против выполнения данной инструкции наркома, но обращал его внимание на ряд серьезных обстоятельств. В частности, полпред считал, что гомиьндановское движение в Китае коренным образом отличается от того, что в Турции возглавлял Кемаль Ататюрк: “...здесь наш советник входит в ЦК партии (ЦИК Гомиьндана. — А.К.) этого национально-революционного движения, здесь мы пользуемся громадным авторитетом и наши указания и советы имеют исключительное значение для партии, коммунистическая партия входит в состав партии Гомиьндан”<sup>52</sup>, она совершенно легально развивает свою деятельность на территории Гуандунской области (пров. Гуандун. — А.К.), в той области, где партия Гомиьндан является правящей партией и т. д. и т. д.”<sup>53</sup>. Карахан писал далее, что он будет заключать это соглашение не столько по той причине, что внутренне убежден в его необходимости, сколько потому, что имеет инструкцию от Чичерина и потому, что “**это успокоит сомневающихся в Сунь Ятсене товарищей** (выделено мной. — А.К.) и не будет служить препятствием в дальнейшей поддержке и помощи ему”<sup>54</sup>.

Весьма существенным для понимания того, как в советских правящих кругах складывалась оценка масштаба личности Сунь Ятсена как политика, является письмо И.В. Сталина Карахану от 16 июня 1924 г. Сталин поставил ряд вопросов: “Как дела с Сунем, с Гомиьнданом? Есть ли в Китае *действительное* движение и насколько оно глубоко? Есть ли у Суня или Гомиьндана корни, действительные, живые корни? Можно ли считать, что удельный вес Суня — Гомиьндана соответствует удельному весу, скажем, Кемалья и его партии?”<sup>55</sup>

Л.М. Карахан весьма обстоятельно изложил свое мнение по поставленным вопросам (письмо И.В. Сталину от 13 июля 1924 г.). “*Действительного* движения

в Китае пока еще нет, но оно создается, Суня нельзя сравнивать по удельному весу с Кемалем. Кемаль представлял и вел за собой всю национальную Турцию. Сунь даже у себя в Кантоне не ведет за собой всю “нацию”<sup>56</sup>. Карахан при этом отметил, что при сопоставлении этих двух лидеров легко сделать ошибку: нужно учитывать количественные различия. “Китай — это 400 с лишним миллионов населения. Одна Гуандунская пров[инция], столицей которой является Кантон, насчитывает 30 мил[лионов] населения... в три раза больше Турции. Чтобы охватить такую страну, нужна продолж[ительная] работа. Сунь до сих пор ее не вел. Сейчас он обучается. Важно, что он понял значение массовой базы для своей партии и пр[авительст]ва. Но его нужно все время толкать, — пояснял Карахан, — потому что он в самом сволочном окружении правых, американизированных интеллигентов и т.п.”<sup>57</sup> Полпред докладывал, что он направляет внимание Сунь Ятсена “на борьбу против империализма, грабежа Китая державами. Это самое популярное и понятное дело для всего Китая. На этом он может приобрести полит[ический] капитал, укрепнуть и полит[ически] и организационно... лозунг — борьба против держав может дать ему силу, которая поднимет его до Кемалю. Другой источник его возможной силы — зем[ельная] реформа. Они разрабатывают его, но все еще не решаются провести”<sup>58</sup>.

Что касается Гоминьдана, то Карахан откровенно писал Сталину: из Пекина ему трудно ставить “совер[шенно] точный диагноз”<sup>59</sup>.

Однако, получив подробную информацию из Гуанчжоу от Бородина о положении в Гоминьдане и опираясь на нее, Карахан в письме Чичерину от 28 июля 1924 г. представил план “отсечения правых” в Гоминьдане, на чем настаивал Бородин, и сообщил о позиции Сунь Ятсена в этой связи.

Необходимость такого рода “хирургической операции” Карахан объяснял несовместимостью сознания “правых” представлявших, по его мнению, интересы колониального китайского купечества и компрадорства, с той внутренней политикой, “на которую мы толкаем сейчас Суня”<sup>60</sup>. Цель этой политики, по Карахану, — создание рабоче-крестьянской базы для партии путем реформ рабочего и аграрного законодательства — находилась в таком противоречии с настроениями правого крыла партии, что сосуществование с ним внутри Гоминьдана тех сил, на которые могла бы опираться Москва, было невозможным. По оценкам Карахана, Сунь, лично склонный к “левой” политике, в то же время боялся порвать с правыми и был готов идти на жертвы ради партийного единства. Полпред полагал, что Сунь не хотел рвать с правыми еще и из-за опасений ослабить свои позиции и положение партии, так как не имел к тому времени “достаточно сильной базы”, которая состояла бы только из левого крыла. Исходя из изложенного, Карахан, по его сообщению, дал указание Бородину все внимание направить на создание сильного левого крыла партии и захват им важнейших партийных постов. В неизбежном конфликте между правым и левым крылом последнее должно было стать настолько внушительным, чтобы Сунь сделал выбор между ними без колебаний.<sup>61</sup> Таким образом, речь шла о подготовке к расколу Гоминьдана, или по крайней мере к отколу от него “правых”, что отнюдь не входило в планы Сунь Ятсена. Несколько позже, при подготовке к II съезду Гоминьдана (январь 1926 г.) Г.В. Чичерин выступил решительно против раскола Гоминьдана.

Осенью 1924 г. в руководстве ВКП (б), как и в Гоминьдане и КПК, обсуждался вопрос о поездке Сунь Ятсена в Пекин для участия в подготовительной конференции для созыва Национального собрания. На конференцию Сунь

был приглашен Дуань Цижуюем, в то время возглавлявшим правительство в Пекине, под давлением Фэн Юйсяна.

Тревога Москвы по этому поводу нашла отражение в письме Г.В. Чичерина Л.М. Карахану от 4 ноября 1924 г. В нем просматривается опасение за Сунь Ятсена в связи с созданием после переворота, совершенного Фэн Юйсяном 23 октября 1924 г. в Пекине, временного союза победителей в войне между чжилийской и фэньтяньской милитаристскими кликами — Чжан Цзолияня, Фэн Юйсяна и Дуань Цижуюя. Называя этот союз “директорией”, Чичерин полагал, что она “является ловушкой с целью дискредитации Сунь Ятсена”<sup>62</sup>. В Москве опасались не только возможных негативных политических последствий этой поездки, но и за жизнь Суня.

Л.М. Карахан в письме Г.В. Чичерину от 12 ноября 1924 г. посвятил несколько страниц необходимой политической линии поведения Сунь Ятсена, какой она представлялась полпреду, в связи с возможной поездкой Суня в Пекин. Карахан послал в Гуанчжоу свои предложения по поводу тактики, которой должен был придерживаться Сунь Ятсен в ответ на обращение Фэн Юйсяна, разосланное всем крупным военно-политическим деятелям страны, в том числе и Суню. Карахан рекомендовал, чтобы Сунь Ятсен “не солидаризировался ни с кем из военных лидеров и оставил бы совершенно развязанными руки”<sup>63</sup>.

Кроме того, полпред сообщал о том, что он послал Бородину инструкцию, дабы тот “заставил Сунь Ятсена выпустить обращение к китайскому народу”<sup>64</sup>. Эта идея была принята Сунь Ятсеном: как известно, 10 ноября 1924 г. он опубликовал “Манифест к походу на Север”<sup>65</sup>.

13 ноября 1924 г. Сунь Ятсен покинул Гуанчжоу и направился через Шанхай в Японию, затем в Тяньцзинь.

В письме от 1 февраля 1925 г. Л.М. Карахан сообщил Г.В. Чичерину, что Сунь Ятсен находится при смерти. “Для партии это удар, который она с трудом вынесет. Сейчас мы бьемся над тем, чтобы провести манифест предсмертный, нечто вроде политического завещания”<sup>66</sup>.

Видимо, еще не зная, что Сунь доживает последние дни, И.В. Сталин в письме Л.М. Карахану от 19 февраля 1925 г. просил его сообщить “о делах в Гоминьдане, о здоровье Суня”<sup>67</sup>. Узнав о безнадежном состоянии Сунь Ятсена, Сталин в явном раздражении 6 марта 1925 г. писал Карахану: “Как дело с Сунь Ятсеном?... (отточие мое. — А.К.). Есть там в Гоминьдане люди, могущие заметить Сунь Ятсена в случае смерти. Это большой вопрос ...”<sup>68</sup>.

Недовольство Сталина можно понять. В Москве все же надеялись, что Сунь Ятсен займет в Пекине один из ключевых постов, а в дальнейшем и возглавит пекинское правительство.

После поражения революций в Европе — советских республик в Венгрии, Баварии и Словакии в 1919 г., восстания в Германии в ноябре 1923 г., Коминтерн, не ожидая в близкой перспективе новых революций на Западе, переключил свое основное внимание на развитие революционного процесса на Востоке (“восточный маршрут революции”), особенно в Китае. В этом отношении характерна информация Г.В. Чичерина Л.М. Карахану от 4 ноября 1924 г.: “В теперешних выступлениях наших главных лидеров постоянно подчеркивается, что Восток столь же важен и даже важнее, чем Запад”<sup>69</sup>.

Учитывая сложившуюся в мировом революционном движении обстановку, Сталин был озабочен сохранением и укреплением базы Гоминьдана в Гуандуне. При этом он особое значение придавал укреплению армии и расширению контингента, находившегося под надежным контролем гоминьдановского правитель-

ства. “Одной дивизии, организованной по-советски, конечно, мало, — писал он. — Надо бы заложить и оформить несколько дивизий... (отточие мое. — А.К.). И если Кантон сумеет построить хорошую и более или менее многочисленную армию, он будет тогда являть собой действительную скрепу новой народно-революционной общекитайской государственности”<sup>70</sup>.

Советские советники южнокитайской группы во главе с главным военным советником Гуанчжоуского правительства и главного командования Национально-революционной армии В.К. Блюхером в тяжелых условиях самоотверженно работали над реформированием вооруженных сил Гоминьдана и строительством НРА. Не без их помощи в 1925 г. была одержана победа над Чэнь Цзюньмином (1-й и 2-й Восточные походы), а в 1926 — начале 1927 г. успешно проходили, в соответствии со стратегическим планом Блюхера и при его личном участии, первые два этапа Северного похода НРА, имевшего целью объединение Китая, чего долгие годы добивался Сунь Ятсен. В успехах военных кампаний Гоминьдана сыграли свою роль и поставки из Советского Союза. В свою очередь М.М. Бородин как политический советник Гоминьдана и представитель ИККИ в Китае сыграл существенную роль в подготовке I съезда этой партии и ее реорганизации.

Из “Переписки” следует, что советские руководители не имели реального представления о масштабе личности Сунь Ятсена как политика, теоретика и практика китайской революции. Они на определенном этапе проявляли недоверие к нему, особенно из-за его “фантастических” военных предприятий и неверно понятой в Москве позиции по ряду вопросов партийной политики Гоминьдана. Вместе с тем сотрудничество между Москвой и Гуанчжоу развивалось. Сунь Ятсен открыто шел на сближение, сотрудничество и дружбу с Советским Союзом, что было в условиях Китая того времени мужественным поступком. Советский Союз с осени 1923 г. начал оказывать Сунь Ятсену запрошенную им помощь, направляя в Гуанчжоу политических и военных советников. С мая 1924 г. Советская Россия финансировала военную школу Хуанпу (Вампу), в которой работали советские инструкторы, в советских военных училищах и академиях проходили обучение члены Гоминьдана и КПК. С октября 1924 г. начались поставки в Гуанчжоу оружия, объемы которых с 1925 г. нарастали.

Следует иметь в виду, что во взаимоотношениях Советского Союза и Коминтерна, с одной стороны, и Сунь Ятсена и возглавляемой им партии Гоминьдан, — с другой, каждая из них преследовала свои цели. Сунь Ятсену от Советского Союза нужна была помощь оружием, финансовыми средствами, военными советниками, в чем ему напрочь было отказано странами Запада. В свою очередь Советский Союз и Коминтерн были заинтересованы в утверждении своих позиций в единственной в то время в Китае революционной базе, основанной Сунь Ятсеном, в ее укреплении с тем, чтобы Москва могла опираться на эту базу в ее деятельности, направленной на развитие национально-освободительного антиимпериалистического движения в этой стране.

- 
1. Речь идет о сборнике документов: Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы; август 1923 г. — 1926 г. / Сост., отв. ред.-подготовитель, авт. предисл. д.и.н. А.И. Картунова; гл. ред. академик РАН М.Л. Титаренко. М.: Наталис, 2008 (далее: Переписка...).
  2. Выражение Л.М. Карахана. См.: Переписка... С. 67 (док. № 1).

3. Сохранилось единственное письмо Сунь Ятсена от 6 декабря 1922 г. из Шанхая, адресованное В.И. Ленину. См.: ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы. Т. I. 1920—1925 / Ред. кол. М.Л. Титаренко и Го Хэньюй (руководители работы) и др. М., 1994. С. 151—152 (док. № 50). Сокращенный текст письма опубликован в 1966 г. в статье: *Картунова А.И.* Сунь Ятсен — друг советского народа // *Вопр. истории КПСС.* 1966. № 10. С. 32. В статье Сун Цинлин (вдовы Сунь Ятсена) (См.: *Народный Китай.* 1956, № 22. С. 9) упоминается о письме Ленина Сунь Ятсену, до сих пор не опубликованном.
4. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 378—383.
5. *Тихвинский С.Л.* Сунь Ятсен — китайский революционер-демократ (Предисл. к изд. 2 “Избранных произведений Сунь Ятсена”) // *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985. С. 16.
6. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 400—406.
7. Там же. Т. 22. С. 189—191; Т. 23. С. 28—29, 166—167, 138—140.
8. Полный текст этого документа см.: *Картунова А.И.* Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июнь 1927 г.). М., 2000. С. 24—25; 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
9. См.: *Коммунистический Интернационал и китайская революция: документы и материалы* / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1986. С. 37—38.
10. Там же. С. 39—41.
11. ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... Т. I. С. 206 (док. № 64).
12. Там же. С. 225 (док. № 72).
13. Там же. С. 240 (док. № 80).
14. См.: Сообщение РОСТА от 27 февраля 1923 г. о коммюнике полномочного представителя РСФСР в Китае А.А. Иоффе и Сунь Ятсена по поводу советско-китайских отношений // *Советско-китайские отношения, 1917—1957: сб. докум.* / Отв. ред. И.Ф. Курдюков, В.Н. Никифоров, А.С. Перевертайло. М., 1959. С. 65.
15. Л.М. Карахан выехал из Москвы в Китай в начале августа 1923 г., по пути в Пекин останавливался в Мукдене (преимущественно для встречи с Чжан Цзолинем) и Харбине. В Пекин прибыл 2 сентября 1923 г.
16. Переписка... С. 66 (док. № 1).
17. Проблема КВЖД ...
18. Там же.
19. Там же. С. 66—67.
20. Там же. С. 67.
21. Там же.
22. Там же. С. 68.
23. См.: там же. Док. № 5, 9.
24. Делегация находилась в Москве со 2 сентября по 27 ноября 1923 г. Документальный материал о пребывании делегации в Советском Союзе, принятых в Москве решениях см.: ВКП (б), Коминтерн и Китай... Т. I. Док. № 82—85, 87, 89, 97—99.
25. Переписка... С. 84 (док. № 5).
26. См.: там же. С. 100 (док. № 11). Речь идет о постановлении Политбюро ЦК РКП от 8 марта 1923 г., в котором признавалось возможным оказать денежную поддержку Сунь Ятсену в размере около двух миллионов мексиканских долларов и необходимым послать к Суню, с его согласия, группу политических и военных советников. — См.: ВКП (б), Коминтерн и Китай... Т. I. С. 206 (док. № 64).
27. М.М. Бородин (Грузенберг) прибыл в Кантон 6 октября 1923 г. и был назначен Сунь Ятсеном инструктором по реорганизации Гоминьдана. Позже был главным политическим советником ЦИК Гоминьдана, одновременно — представителем Коминтерна в Китае.
28. Переписка... С. 100 (док. № 11)
29. Там же. С. 101.
30. Там же. С. 101—102.

31. Там же. С. 102—103.
32. Там же. С. 116 (док. № 15).
33. См.: там же. С. 130, 132, 134 (док. № 21).
34. Там же. С. 134.
35. Там же. С. 136 (док. № 22).
36. Там же. С. 154 (док. № 31).
37. Там же. С. 156 (док. № 32).
38. Там же. С. 163 (док. № 35).
39. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан, 1919—1929. М., 1999. С. 89.
40. Там же. С. 160 (док. № 34).
41. Там же. С. 157 (док. № 33).
42. Там же.
43. Там же. С. 157—158 (док. № 33).
44. Там же. С. 159 (док. № 33).
45. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 442 (док. № 112).
46. Там же. С. 443 (док. № 113).
47. Переписка... С. 200 (док. № 47).
48. См.: ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т.1. С. 370—376 (док. № 109).
49. Там же. С. 374.
50. Кемаль паша Гази Мустафа (с 1934 г. — Ататюрк) — руководитель национально-освободительной революции в Турции (1918—1923 гг.), первый президент Турецкой Республики (1923—1938), лидер Народно-Республиканской партии.
51. См.: ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т.1. С. 374-375.
52. Речь идет об индивидуальном вступлении членов КПК в Гоминьдан при сохранении идейной политической и организационной независимости обеих партий и установлении сотрудничества между ними. Окончательная договоренность об этом была принята на I съезде Гоминьдана (январь 1924 г.).
53. ВКП (б), Коминтерн и Китай... Т. I. С. 375.
54. Там же. С. 375—376.
55. Переписка... С. 237 (док. № 58).
56. См.: там же. С. 275 (док. № 69).
57. Там же.
58. Там же.
59. Там же.
60. Там же. С. 294 (док. № 78).
61. Там же.
62. Там же. С. 360 (док. № 102).
63. Там же. С. 367 (док. № 103).
64. Там же.
65. Текст Манифеста см.: *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1975. С. 699—703.
66. Переписка... С. 426 (док. № 126). Предсмертное завещание Сунь Ятсена от 11 марта 1925 г. см.: *Сунь Ятсен.* Указ. соч. С. 741.
67. Там же. С. 440 (док. № 124).
68. Там же. С. 474 (док. № 132).
69. Там же. С. 360 (док. № 102).
70. Там же. С. 474 (док. № 132). Под “дивизией, организованной по-советски”, Сталин имел в виду учебные полки, созданные с участием советской стороны при военной школе Хуанпу (Вампу), возглавлявшейся Чан Кайши.